

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

В статье описывается феномен «повседневность», презентированный такими базовыми ее структурами, как непосредственность, экзистенция, опыт, смысл, язык, знак, текст. Их целостность устанавливается в качестве основания повседневного бытия, условием которого является само сознание человека, эксплицирующееся актами, процедурами, «механизмами» его спонтанных действий.

Проблематика повседневного охватывает то знакомо-привычное, близкое человеку поле бытия, которое, как правило, не замечается им, а если и замечается, то воспринимается в качестве само собой разумеющейся реалии. Сложность и противоречивость рассмотрения, охвата и представления феномена повседневного заключается в неисчерпаемости, многоликости, разнородности его содержания.

Повседневное бытие человека соткано из моментов сознания, реализуемых в виде его актов, процедурных «схем», «механизмов» явленного. Состояние сознания человека, данное одномоментно в осмыслении чего-либо, позволяет схватывать, улавливать, вживаться в поле повседневного, устанавливая его в качестве целостной, единственной, континуальной действительности. Повседневность – это творение тех жизненно-бытийных универсалий, которыми наполняется любое, отдельно взятое человеческое существование. Сращенность его психо-эмоциональных состояний с деятельностными моментами позволяет человеку испытать многоцветье отношений «его» и всего того, что находится за пределами этого, формируя переживание полного, завершенного бытия.

Целью данной статьи является экспликация и описание некоторых базовых структур повседневности, которые образуют фундамент человеческого само-стояния как присутствия его в мире.

Итак, **повседневность** – это прежде всего **слово**, и, будучи таковым, она разверзает хаос, являет собственное «я», обнаруживает себя и устанавливается открытым для понимания каждому, к тому способному. Таким образом, слово указывает на то, что

есть, имеет место, время, следовательно, имеет свое **бытие**. Его содержание может быть по-разному организовано, речь идет о **порядке**, рождаемом в целостном организме повседневного. Более того, конституированный тип организации повседневного носит непостоянный характер, он меняется в зависимости от тех или иных обстоятельств, что выражается в форме **социально-исторического момента**, присутствующего в бытии. Так, в различные периоды исторического времени ментальные структуры человека, например, русской национальности были у-порядочены по-разному в их разнородной смысло-содержательной¹ компоненте: сознание русича XII-XIV веков демонстрировало преимущественно мифолого-религиозный характер, а в повседневном мышлении россиянина советского периода преобладал идеологизм, или политико-атеистический взгляд на мир. Таким образом, повседневное бытие как содержание, мыслимое упорядоченным в конкретно-исторической форме, проясняется как **повседневность**, которая конституирует границы и остов, удерживающий разнородные, разноплановые, распадающиеся сами по себе и текучие (постоянно изменяющиеся), хаотические повседневные смыслообразования. В общем, повседневность есть форма, которая заключает **порядок** – способ организации чего-либо, в котором присутствует иерархизированное (главное - второстепенное, несомое - несущее), актуальное-потенциальное, со-отнесенное, акцентированное, а также – возможность деструкции бывшего упорядоченного с на-рождением иной организации (в этом случае говорят о смене миропонимания, социально-политических,

¹ Смысло-со-держание – целостная структура сознания, которая указывает на то, что смысл организуется многими структурами, связанными дополнительным образом в целостную действующую силу его акта.

религиозных, научных воззрений и т. д.). Повседневность – это способ **быть** чему-либо в бытии **таким образом** в данный исторический момент, но он не ограничивается только историческим содержанием, а также таким, которое конституировалось согласно историческому.

Бытие понимается широко: как «простота» существования индивидуума, когда он охвачен заботой о себе как живущим в границах телесности, как способ его имманентной со-отнесенности с духовностью мира, которая представляется и раскрывается только в «чистоте» мысли, полете умозримого. Так понимаемое единое бытие содержит в себе диалектику со-присутствия всего многообразия способов единой жизненной реалии, когда каждый из них (способов) может быть представлен и «увиден» благодаря наличию, действиям другого. Эти оговоренные выше моменты носят вне-исторический характер, но они всегда присутствуют в специфически организованном способе повседневного.

*Повседневность – это само единственное бытие как сращенно-переплетенный конгломерат моментов жизнеосуществления, бытования индивида и в то же время – неотъемлемость понимания высшей смысловой значимости **места** человека в мире как имеющего свое «**быть**». Феноменология повседневности не может ограничиться простотой жизни человека, так как в осуществленности последней уже проясняется лик мироздания. Так, проживание человека в Сущем, Вот-бытии (М. Хайдеггер) всегда удерживает понимание и оценку такого способа бытия издавлек, со смотровой площадки Бытия (Платон). Поэтому понимание повседневности как единого и целого человеческого способа **быть** можно определить как целостное жизнебытие.*

Отдельное понятие «жизнь» дает только специфический срез существования человека, в котором необходимо учитывать биологические аспекты его самотворения как существа, **телесно** присутствующего в мире. Повседневное бытие человека (или повседневность) в нашем понимании шире, многограннее, многозвучнее понятия «жизнь»: оно поглощает, вбирает в себя не только теле-

сную, но и духовную ипостась человека, выстраивая тем самым особый статус его пребывания в мире, то есть усматривать свой, полноправный способ самоосуществления мира («человековость»).

Для того чтобы повседневное существование имело возможность явить свою собственную широту и многообразие, необходимы прежде всего определенные **условия**, которые детерминируют специфику его разлитости в мире (как в примере Ж. Делеза с Адамом, который не был создан с грехом, а только помещен в жизненное пространство – среду, где грех уже присутствовал). Речь идет об обстоятельстве, обеспечивающем воз-**можность** повседневности быть и осуществлять себя в особой, самостоятельной форме бытия человека. Им выступает само сознание, обладающее специфическими характеристиками, которые позволяют индивидууму иметь оригинальное существование в мире. В связи с этим можно указать, что повседневное бытие – это бытие сознания, являющее само-широту и проживающее себя в каждую единицу времени.

Необходимо различать моменты репрезентации состояний сознания в виде возможностей спонтанного образования его актов, их упорядочивания, а также конструирования познавательных процедур и того содержательного целого, которое образовалось и проявилось по ходу реализации сознания. Следовательно, повседневное бытие и его форма (Логос) могут быть прояснены лишь в той степени, в какой ситуация прояснения самого сознания входит в структуру повседневности в качестве ее условия. Подобная слитость и растворимость сознания человека и его пребывания в-мире обуславливает сложность понимания и исследования повседневного бытия: необходимая процедура отстраненности при конструировании предмета рассмотрения должна презентировать его конституирование, осуществляющееся одновременно процедурами познания и наоборот.

Кроме этого следует также постоянно «видеть» демонстрацию свойств самого сознания. Такое расслаивание необходимо для сохранения феноменологической целостно-

сти повседневности или, по-другому, – образного зеркала и того, что в этом зеркале видится. Повседневность – такая реалья, которая дана человеку (а человек дан ей) целиком, как «нерасчлененная целокупность» (М. Хайдеггер). Это значит, что моменты явления повседневной жизни происходят не сами по себе, а всегда соотнесены с человеком. Акт переживания нового результирует «свое» содержание повседневным, и эта локальность, сплетенная, связанная со всем остальным, дана в глубинах, пределах целого повседневности, что возможно в результате такой процедуры сознания, как мыслимое вычленение части «на фоне» или вращеннообразной глубинности этого целого.

Оригинальный целостный взгляд того, что всегда находится в повседневности, на саму повседневность, всегда «знает» и удерживает генеральное общее содержание вкупе, а вычленяющие моменты ухватывают лишь его конкретику как вариацию, возможность, «срез», модус. Так, человек в целом всегда представляет, **что** есть бытие, **сам** человек и какая связь между ними существует, но способы и содержания их разворачивания, проявления – частности, которые представлены в личностно-индивидуальных, исторических структурах повседневности. Осуществление ее данности представлением целого в частности (посредством) и наоборот происходит благодаря такой процедуре сознания, которую М. Хайдеггер обозначил «двойкой возможностью направления взгляда». Он предполагает и указывает не на соединение (механику) отдельных частей в одно, а такую особенность восприятия единого, которая разумеет в охвате мысли одновременно локальность и то, в чем она представлена. Повседневное бытие становится бескрайним пространством, континуумом способов собственного о-существования, **яв-**ленности и презентации в бесконечной конкретике мысли как актов-состояний, данных в переживании человеком своей укорененности в бытии.

Целостность повседневного держится комплексным много-структурным образованием, которое представляет собой единство всех имеющихся структур человеческого бытийного самоосуществления. Но стромаль-

ные (главные) структуры повседневности должны быть представлены такими, которые, во-первых, постоянны и неизменны с точки зрения неизменности формообразующих свойств (а не содержания) и, во-вторых, могут быть обнаружены в любых иных структурах. К таким может быть отнесена структура **опыта**. Она представлена нерасчлененной совокупностью того, что уже завершило-сь (с-вершило себя или возвратилось к себе), то есть стало как **«пережитое и запомненное»**. Оно в дальнейшем примет **активное** участие в бытийных проявлениях сознания, постоянно внедряясь (присутствуя) в любых его актах. Человеческий опыт содержит (или содержится) в экзистенции «знаю, как», это своеобразное **испытание** человека событием, случаем, которое обязательно соотнесено с чувство-ощущающим эфиром, которым окутан всякий ис-пытывающий момент. Поэтому о-пыт дан не только «стороной», владеющей способом («знаю, **как...**»), но и моментом «чувствую, что **это...**», например, долг, любовь, бесчинство, обида и т. д. Опыт – сложная целостность действий таких единиц сознания, которые конституируют энергетику действия «отдельного» его момента, «осколка». Структурированность опыта многогранна, многоаспектна и содержит в себе все структуры сознания.

Опытная компонента бытия не застывшая, раз и навсегда данная реалья, а живая энергийность, которая становится таковой благодаря движениям сознания, втянутого в события, пере-живание которых конституирует опытостановление. Экзистирование человека – вот подлинная демонстрация живого, одухотворенного. Оно понимается не только как конкретика состояний переживания бытия в определенной бытийной ситуации, но в первую очередь – как сама **возможность** человека находиться в таком состоянии, где реализуются вариации «возможности» вообще.

Повседневность – это экзистировающая действительность. Постоянные переходы – смены одних состояний понимания бытия человека другими заполняют всю его жизнь, превращая ее в непрерывный поток переживаемого. В нем также происходит упорядо-

чивание, уяснение имеющейся сложности и неоднозначности бытия. Экзистенциальная структура представлена в структуре опыта в качестве того, что со-держит экзистенциалы человека, которые суть особая ткань бытия.

Этот факт указывает на такое место человека в повседневности, где осуществляется не только «простота» бытия (зрение, осязание и т. п.), но и **чудо**, представленное животворящимся переживанием любви, надежды, отчаяния, жажды знать и мыслить, зависти, веры и пр. Эмоции, порожденные в недрах природной организации индивида, втянутые в сложные человеческие чувственные состояния, образуются в способ явления человека миру в качестве духовной константы.

Повседневность, данная **«вживе»**, указывает на непосредственный способ ее проживания, то есть на личное усилие человека в деле освоения повседневного пространства как индивидуальный, самостоятельный, неповторимый опыт бытия. Он может быть дан и в качестве не-живого опыта, тогда речь может идти о переданном опыте существования, который лишь изначально являлся живым для того или тех, кто его конституировал. Формами подобного рода опыта могут быть нормы, ценности, традиции, правила, установленные в различных социальных структурах бытия, которые передаются из поколения в поколение для их непрекращающегося становления.

Передача чужого опыта как несение его в глубокое будущее не означает такую его явленность, которая остается навсегда в застывшей, застывшей форме (пережитое кем-то). Со временем они могут быть пережиты заново (а некоторые моменты всегда представлены только как «вновь» осуществляющееся повторение), то есть представлены в живой форме, переосмыслены, что может привести к отказу от прежних опытных структур бытия. В этом случае говорят об их устаревании, противоречивости с существующими новыми формами, не отвечающих «духу времени».

Исторический контекст различных моментов повседневного бытия может получать оценку, быть сравниваемым, следовательно, иметь **качество** при одновременном у-станов-

лении самого творца – человека в качестве кого-то, что указывает в первую очередь на присутствие его в мире как осуществленном или осуществляющемся ситуативным образом. Качество в данном случае понимается как потенциальность человека, при определенных условиях становящаяся актуальной. Качественной характеристикой повседневности может быть представлена любая ее структура. Так, например, если брать во внимание целостную структуру экзистенций человека, его бытие в данном случае выкристаллизуется как экзистирующее, то есть творящееся согласно и благодаря актуализации «экзистенциалей» (М. Хайдеггер). Тогда повседневность – это поле установления человека в качестве любящего, заботящегося, страдающего, радующегося, понимающего, стремящегося и т. д.

Но в ситуации утверждения человека в повседневном требуется представить также его как существо, которое есть при-и-в незавершенном собственном бытии, одновременно мыслящее идеальность и идеал как завершенное. Так, к примеру, любая историческая форма нравственности устанавливается исходя из понимания того, как **должно** (долг) быть, и в этом проявляется диалектика существующих форм бытия и их отдаленных копий или целей, к которым направлено и устремлено действительное. В становящейся-устанавливаемой повседневности человек мыслится творцом и главным ее участником: он непосредственно, прямо присутствует в гуще повседневных событий, активно действуя в которых, раскрывает и развивает собственные стороны, утверждаясь как Человек.

Качественная ипостась повседневного бытия может быть выражена не только экзистенциальным свойством. Это нечто большее есть совокупность принципиальных различий бытия, континуум разнородных, разноплановых, разноуровневых его свойств и **явленности** себя. Так, говоря: «В вазе стоят красные цветы», – мы произвольно фиксируем и указываем на качественные вариации повседневного. Это не только различные предметности бытия, выражающие способ быть как **красный, цветок, ваза** и т. д., но и специфика их отношений: бытие в качестве

нахождения «в» или «на» и т. п. Поэтому, повторю, экзистенциальное, человеческое бытие есть одна из форм «говорения о себе», модус повседневности как таковой.

Опытная компонента бытия случается не сама по себе, ради себя, для себя, ее сопровождает разлитый повсюду **смысл**, который человек, экзистируя, в мыслительных актах улавливает и устанавливает, словно собственное, человеческое, и этим – вписывает себя в универсум, договаривается с ним о **совместном бытии**. Следовательно, все присутствующее в мире и он сам есть экзистирующий **смысл**, Логос как живое и животворимое. И не важно, какой стороне принадлежит первичность в порождении живого смысла, феноменологический взгляд утверждает их равнозначность, одновременность и нерасчлененность.

Экзистенция как проявление ее «возможности» внутренне интенциональна, то есть направлена на вне себя лежащее, чтобы установить его в качестве собственного предмета или содержания. Не-свое, попадая в поле зрения человека, через переживание-уяснение смысловых структур бытия вообще приручается и тогда утверждается как **мое**. Последнее понимается не с позиции М. Хайдеггера, когда мое – это нацеленность на выгоду и прагматический интерес, но в смысле лично – собственно упорядоченной повседневности, **так** ее организованность, когда бытийный мир настолько близок человеку, что принимается им за само собою разумеющееся.

Интенциональная структура повседневности может быть проявлена в смысловой структуре бытия. Смысл – это точка, единица, участвующая в «позволении видеть нечто в нем самом, а именно... – из него самого» [1; 91]. Это высказывание Аристотеля относилось к позволению **вообще**, как некой тотальности, которую философ определял словом «логос». Исходя из этого, смысл можно обозначить как то, что имеет структуру, порядок и силу мысли и обладает возможностью притягивать тянущееся к смыслу сознание. Смысловая ткань повседневного образует благодаря позволению **быть** всеобщей «возможности» как способу для **так** выполненности ее структуры, рисунка, расцветченнос-

ти, то есть ее **качества**. Сознание в этих актах творчества и свободы осуществляет собственное «возможение», которое имеет свойство быть всегда причастным, направленным к смысловым узлам бытия.

Смысл являет собой сложное **образование**, его суть с трудом поддается рационализации и вербализации, потому что он встроен, вживлен в мир как его идеально-сущностная компонента, улавливаемая человеком умозрительно, то есть смысл понимается и считывается за пределами опытных усилий, но реализуется в опыте. Он поставляет конкретное содержание своей изначальной сжатости, разворачивая ее в сторону модусной полноты. Наблюдаемая, удерживаемая в мысли повседневная ткань бытия человека скреплена смысловой структурой, представляющей **всегда** понятное, выраженное в слове-знаке, то есть о-значенное.

«Смысл иррационален», – подчеркивал М. Мамардашвили, имея в виду, по-видимому, «само собой» данное индивиду свойство сознания к «схватыванию» смыслового ядра предмета – это то, что Платон называет «вспоминанием души», Р. Декарт выделяет как «врожденные идеи», А. Лосев – «самое само» вещи. Иррациональная компонента оформленности смысла дополняется рациональной, которая лишь утверждает или отдает отчет о его имеющемся месте: вот – солнце, «Я», мир и т. д. Смысловая ткань повседневного житетворения человека, таким образом, вывязана из контрастных оттенков способов активности сознания, чьи переплетения, взаимопереходы сливаются в единый, **замысловатый** узор бытия.

Смысловая развернутость мира образно напоминает звездное небо, которым восхищался И. Кант. Там отдельная мерцающая точка несет в себе неисчерпаемую энергетику тотального и универсального мира, именно поэтому М. Мамардашвили говорит о всеобщей разлитости смысла, а М. Хайдеггер указывает о всеприсутствии философии в жизни даже на рыночной площади. Смысловая сетка мироздания – это «согласие» и открытость целого, всеобщего принять в себя и для себя отдельное, единичное, это честное приглашение к сотрудничеству и партнер-

ству. Человек способен видеть и **понять** исходную мудрость бытия, чтобы замкнуть осмысленный мир на самом себе и «выписать» круг гармоничного бытия.

Подводя итог рассуждениям о смысловой структуре, можно сказать, что **повседневность – это смысловая сетка и континуум творческого ее плетения** для «укрощения» хаоса и упорядочения понимаемого человеком собственного бытия.

Опытная компонента в повседневном не случается автоматически, сама по себе, для ее явления необходимо **событие**, что возможно рассматривать как самостоятельную структуру повседневности. Следует отметить, что событийная вспышка понимается философами по-разному, в зависимости от мировоззренческих установок исследователя. Так, Э. Гуссерль событие определяет как возникновение, установление смыслового поля в результате взаимного «притяжения» того, что может добывать смыслы, и того, что эти смыслы открыто представляет само по себе. Тогда событие в жизнеосуществлении представлено любым состоянием, переживающим непосредственную, открытую, очевидную связь человека с внешней средой.

М. Мамардашвили под событием понимает акт индивидуации («интеллектуальное усилие» по Гуссерлю) – это «собрание мысли вопреки времени, хаосу, распаду» [2; 96], тогда человек получает возможность длить себя и мир, в котором он есть.

Событие, по Хайдеггеру, есть со-бытие, параллельное «бытийствование» различного, разнородного, которое дано человеку до акта мысли как простота первоначальных очевидностей. Этот первородный уют, понятность мира, своеобразная его распахнутость, предрасположенность для индивида – колыбель его дальнейшего обретения себя в качестве человека. Под событием понимается индивидуальный мыслительный акт, построенный на интенциональности и ее априорности, протекающий в условиях со-бытия разноплановых, поливариантных, резонирующих структур повседневности.

Повседневность – это бесконечная цепь событийных актов сознания, которые можно представить в двух основных формах: **со-**

бытие – встреча и событие – смысл. В первом случае – это возникновение, установление смыслового поля в результате взаимного «притяжения» того, что может добывать смыслы, и того, что эти смыслы открыто представляет само по себе (Гуссерль). Это такое пространство мысли, которое характеризуется интенциональными свойствами: направленностью, тягой сознания к тому, что не-оно, что видится в «самопоказывании» при свободном волеизъявлении той и другой стороны. Другими словами, это мгновение рождения феномена, конституирование или извлечение мысли.

Событие-смысл – это «переустановка поля сознания» (М. Мамардашвили), конституирование его **по-новому**, или такой момент, который приводит к полному или частичному расструктурированию бывшего смысла о бытии, его «обновлению», изменению или по-явлению нового. Событие-смысл обеспечивает упорядоченность всего содержания сознания.

Событие-встреча – это ядро события-смысла и априорно дано индивиду как «готовое» (интуитивное) знание, понимание: человек есть человек, добро есть добро, мир есть мир и т. д. События-смыслы, представляющие не только разнородную предметность мироздания, но и тип, характер связей его содержательных единиц, многоуровневые, громоздки и упаковываются в **знаки и символы**. Это немой язык повседневности, который образует целый **текст повседневного бытия**. Текстуальная выраженность бытия имеет характер пережитого, осуществившегося опыта, который есть в наличии, то есть в приоткрывшихся **лице** бытия, что удалось **благо-**даря **личным** усилиям человека.

Событийные структуры выплетают говорение и запись в кодах этого говорения (текст) повседневности. Последний – мертв относительно живого момента экзистирующего рождения повседневности, но он имманентно содержит в собственных глубинах первичный огонь переживаний человека, поэтому всегда вызывает и обращен к ним. Так, мы не сможем, если коснемся мыслью, пройти равнодушно мимо светящихся голубых окон операционной, гордо трепещуще-

го на ветру флага собственной страны, голубей, мирно суесящихся на мостовой, и т. д.

Текст – это совокупность знаков, выстроенных в определенном порядке, таком, чтобы получилась не только связь их между собой, а в первую очередь – такая, которая суть смысл, внешне представленный в знаках-кодах-словах (размывание границ). Повседневное бытие в качестве текста репрезентирует еще его модус как способ **так** себя показывания. Знаки всегда имеют связь со смысловыми структурами бытия, они всегда указывают на свое, определенное поле, локальность смысловой ткани повседневности. Причем знаки могут быть даны вживе как, например, жест, взгляд, гримаса, маска, слезы, реченное слово, так и противоположным способом: эмблема, символ, пауза, печатное слово, лозунг и т. д. Сталкиваясь с хаосом имеющихся знаковых структур повседневности, сознание, исходя из самого себя, собственных способствов-правил, упорядочивает смысловые указания таким образом, что появляется всеобщее, единый смысловой рисунок бытия, орнамент которого вобрал в себя лишь видимую самостоятельность крупиц-знаков.

Сжатие или упаковывание сознанием человека текстовых локальностей повседневного для передачи опыта оформляет собой особый знак – **символ**. Он несет информационную нагрузку нескольких связанных между собой смысловых точек, это своеобразный осколок, фрагмент бытия. Символ задает поле страсти, направленного переживания человека, сопряженного с целостным пониманием мира, жизни, а не отдельной его стороной. «... Человек существует в очень сложной знаковой системе, системе символических знаков, посредством которых он осознает себя и свое окружение, свой социальный и

природный мир. Эта «символическая способность» человека – не в том смысле, что он способен пользоваться символами, а в том, что он не способен ими не пользоваться, он буквально погружен в эти символы и вне их не существует, – и является той основой, на которой базируется культура» [3; 226]. Так, символ креста, на котором был распят Христос, указывает не только на понимание того, **что** такое бытие (какое оно), **что** такое человек (какой он), но и на то, **как** должно быть. В этот символ включен контекст всего бытия, оставляя мыслящему лишь усилие, чтобы развернуть заключенный бездонный смысл.

Текст повседневности выражен в языке, всегда находится в языковых пределах. Язык – это **форма**, в которой представлено то или иное **говорение** о себе, собственная открытость и свобода. Учитывая, что существует множество языковых форм, целостность языка повседневности оформляется в качестве многообразных языковых структур. К ним могут быть отнесены в первую очередь языки, организуемые словом, затем – языки жеста, мимики, движения, тела и т. п. Языковые образования возможно структурировать по сферам деятельности человека, тогда выделится язык музыки, танца, живописи и другие. Специфика феноменологического видения языковой действительности отрицает вычленение, обособление какой-либо формы из целого, поэтому язык повседневного бытия обладает синкретическими характеристиками, когда в состоянии конституирования опыта человек имеет все, открытые и доступные языковые средства, устанавливая единый текст собственного жизнеосуществления, в котором спонтанно присутствие всех базовых структур повседневности.

Список использованной литературы:

1. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск: «Водолей», 1998.
2. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. – С-Пб.: Азбука, 2000.
3. Гуревич А.Я. История мировой культуры: Наследие Запада. – М., 1998.